

Герой Алебастровых Глубин

Когда Джейсону было шесть лет, отец посадил его на плечи, пока они плыли к циклону, и сказал, что настало время ему узнать, что такое положение.

Положение, или репутация как его называли смертные, было тем, что мог понять любой человек, независимо от того, был он культиватором или нет. Но, как и в случае с большинством других вещей, его значение возрастало вместе с пневмой. Положение – это то, что отличало человека от его сверстников. В финансовом смысле положение – это разница между человеком, который зарабатывает на жизнь чисткой конюшен, и человеком, который владеет этими конюшнями. В физическом смысле – между человеком, который сидит в первом ряду каждого матча по борьбе, проводимого в его городе, и человеком, который борется в яме.

Джейсон был тогда ещё молод и напуган приближающейся бурей. И панические крики команды его отца не сильно помогали. Поэтому его отец привёл ему ещё более простой пример, чтобы проиллюстрировать суть.

Разоритель Что Пробыл Горизонт, взобрался на носовую фигуру Золотой Нити – крылатого мальчика с петлёй на горле – и заставил Джейсона оглянуться назад, вниз, на людей сражающихся с волнами. Он заставил Джейсона смотреть, как его команда скрежещет зубами, таща их вёсла через море. Вены выпирали, груди тяжело вздымались. И всё это пока отец Джейсона возвышался над ними, занимая вершину корабельной иерархии во всех смыслах.

— Даже пират знает, как устроен мир, — сказал Разоритель, прежде чем повернуться обратно к буре.

Раб знает своё место, когда вольноотпущенник плюёт ему в лицо. Вольноотпущенник знает своё место, когда метек прогоняет его от своих товаров. Метек знает своё место, когда гражданин насмехается над его ничтожным богатством. Гражданин знает своё место, когда аристократ унижает его на агоре.

И аристократ знает своё место, когда тиран берёт его в руку.

Культиватор ничем не отличался. Культиватор подчинялся той же иерархии, только ещё более строгой. Люди Разорителя были культиваторами печально известного положения, они были людьми способными творить неопишуемые вещи, не имея ничего кроме собственной жизненной сущности и того, что оказалось под рукой. И всё же они трудились, сражаясь с разгневанным морем, пока Джейсон смотрел на них сверху вниз. В то время он едва ли вообще был культиватором, и к тому же ещё ребёнком. И тем не менее, они трудились на его благо.

— Как ты думаешь, почему они это делают, крысёнок? — спросил его отец, и Джейсон, борясь с ужасом перед надвигающейся бурей, ответил.

— Потому что ты им приказал.

Разоритель рассмеялся и сказал, что он абсолютно прав.

Джейсон сидел на плечах капитана, его положение выше чем у кого бы то ни было на Золотой Нити, и всё потому, что его отец так решил. И никто на этом корабле не ставит под сомнения

решения его отца.

Его отец сказал ему, что они могут потребовать ещё больше. В ответ на растерянный взгляд Джейсона он пояснил – возможно, помимо того, что они будут трудиться, дабы Джейсону не пришлось, и разговаривать с ним с тем уважением, которое полагается начальнику, его отец может заставить их делиться с ним едой и питьём. Или, он может пойти ещё дальше – он может потребовать, чтобы каждый из них платил сыну Разорителя часть своего жалованья в знак уважения.

Пойманный между ужасом и недоумением, Джейсон спросил, почему его отец так плохо относится к команде Золотой Нити. Это были люди, которыми Джейсон восхищался, пока рос. Это были люди, с которыми он мечтал плыть рядом, когда его отец наконец сочтёт его достойным присоединиться к ним. Почему он обращается с ними как с рабами?

— Потому что, почему бы и нет? — в свою очередь спросил его отец. — Это то, чем они являются, в конце концов. Это то, чем является каждый человек, стоящий ниже тебя. Почему бы не содрать с них всё, что они могут тебе дать?

Возмущённый, но знающий каким человеком был его отец даже тогда, в шестилетнем возрасте, Джейсон дал ему единственный возможный ответ. Единственный ответ, который Разоритель, может быть, примет.

— Они поднимут мятеж.

В ответ раздался рёв, хор голосов, выразивших яростное согласие. Команда слушала их, но не решалась присоединиться. Его отец лишь ухмыльнулся и удовлетворённо кивнул.

— Положение – это то, что отличает больших существ от меньших. Как только ты станешь человеком, о котором стоит говорить, положение станет известностью, а известность станет славой.

Клеос. Божественная иерархия, управляющая ими всеми.

Однако природа клеоса – это лестница. Каждый великий человек начинал с самой низкой ступеньки. Его отец мог поставить его на вершину финансовой иерархии, социальной иерархии, даже политической иерархии – но ни один человек не мог подняться по божественной лестнице вместо своего сына. И если ты был на лестнице, то для всех остальных ты был ступенькой. Ступенькой, за которую можно было ухватиться, на которую можно было наступить.

Для человека было естественно бояться высоты. Страшно было тянуться к следующей ступеньке, зная человека, через которого тебе придётся переступить, чтобы добраться до неё. В конце концов, этот страх побеждал в каждом человеке. Будь то Гражданин, или Философ, или Герой – или даже Тиран. В конце концов, каждый решал, что то, что требуется для достижения следующей ступеньки, – это больше того, чем он готов рискнуть. Это то, как ты можешь сохранить команду значимых людей. Это то, как ты можешь держать часть мира в повиновении.

— Но у каждого человека есть свой предел, и это работа Капитана - знать его. Прижимайся к этой линии на песке настолько близко, насколько хочешь, разницы нет. Каждый человек под тобой - это добровольный раб, пока ты не переступишь его черту. Это только когда ты переступишь её, ты приглашаешь мятеж на свой корабль.

Сколько бы лет ни прошло, Джейсон так и не смог избавиться от ощущения, что король под волнами лично послал эту бурю. И хотя его люди уговаривали Разорителя повернуть назад, хотя любой другой капитан давно бы уже сбежал, его отец не отступил от намеченного курса. Разоритель Что Пробил Горизонт стойко стоял против дождя и ветра.

— И когда придёт твоё время кусать руку, которая тебя кормит, то не смей колебаться, — сказал его отец. — И когда ты станешь капитаном, и первый из твоих людей придёт за твоим местом на лестнице, помни об этом:

— Как только ты переступишь его линию на песке, ты станешь для него ничем другим, кроме как очередной невзгодой.

Джейсон сжал запястье алого сына и грубо оттащил его руку от Сола и Оракула. Горящие руки яростного намерения Грифона проявились и начали бить и царапать, нацеливаясь на каждое уязвимое место на его теле. Позади него, резко свистнул Скифас, и буря окутала Джейсона, а также Солуса и Алого Оракула, отразив и рассеяв большую часть атаки.

С того самого момента, как он впервые увидел студента Солуса, Джейсон знал, что тот представляет угрозу для всех вокруг. Он увидел это сразу, как только вошёл в клуб. Грифон смотрел на Алазона, Героического Молодого Аристократа Бушующего Неба, так же, как и на бродячего нищего.

Потом взгляд Грифона сместился на него, на Анастасию, Скифаса, и неизбежно его взгляд остановился на его мастере. Но от Алазона к Джейсону, к Анастасии и Скифасу его взгляд не изменился. Ни разу. Ни на секунду. Ни даже тогда, когда он остановился на самом Солусе.

Где бы ни находилась линия на песке Грифона, он оставил её позади, когда пересёк Ионическое Море. Для него, каждое существо на этой земле было лишь невзгодой, которую ему нужно преодолеть.

— Контролируй себя, — жёстко сказал Джейсон, проецируя свой голос поверх ветра. Пылающие кулаки проявленной пневмы били по оболочке штормового ветра, разрывая и хватаясь, не обращая внимания.

— Грифон, — тихо сказал Солус. — О чём ты говоришь?

Каждая проявившаяся рука ещё один раз хлопнула по завесе ветра, все сразу, а потом исчезли. И после напряжённой секунды, Скифас позволил своим ветрам рассеяться.

Грифон поставил клинок в ножнах на пол и искусно опёрся на него, ручейки крови стекали по его лбу и вокруг глаз. Он с усмешкой посмотрел на святую женщину своего города, словно она была самым уродливым существом, которое он когда-либо видел.

— С момента нашего последнего разговора я встретил восемь из девяти оракулов, Солус, — сказал он обманчиво спокойно. — За время своей службы в легионах тебе довелось встретиться

со святой женщиной?

Капитан с запада пристально смотрел на своего ученика.

— Да.

Позади них Скифас дрожаще выдохнул.

— Разумеется, — легко согласился Грифон, который также был голодным Вороном. — И когда ты встретил её, удостоила ли она тебя своим величием?

Солус поморщился: «Это то, как это называют Греки?»

Оракулы захихикали и засмеялись. Сердце Джейсона едва не остановилось от одновременного ощущения, что его топят, плавят, раздавливают, душат и превращают в камень. "Величие", если признаться, было действительно очень мягким словом для этого.

— Значит, удостоила, — сказал Грифон. — И скажи мне, о мастер, было ли это ощущение, которое ты когда-нибудь забудешь? Мог ли ты спутать это ощущение с очарованием смертной женщины?

Молчание Солуса было достаточным ответом.

— Тогда поверь мне, когда я говорю... — меч, которым так и не удосужился воспользоваться алый сын, пробил пол из слоновой кости и золота, всё ещё оставаясь в ножнах. Его пневма стремительно поднялась вокруг него, — ... что она не одна из них. Эта притворщица носит форму и произносит слова, но в её душе нет величия.

— Здесь обитают оракулы, — сказал Солус, обводя рукой подземный двор покойного кириоса. — Она жила здесь задолго до смерти кириоса. Ты думаешь, что он не мог заметить разницу? Человек, который говорил с любым Оракулом, каким захочет, когда пожелает?

— Жизнь с королём не делает тебя королевой, — сказал Грифон. Глаза Джейсона расширились.

— Ты смеешь? — прорычал Скифас, подойдя к другой стороне Солуса. Он яростно посмотрел на Грифона, и тот ответил ему тем же. — Ты явился сюда, будучи неприглашённым, нежеланным, осквернил память о великом человеке — и у тебя ещё хватает наглости сомневаться в праве Оракула находиться здесь? Когда ты сам являешься нарушителем?

— А почему бы и нет? — с презрением спросил Грифон. — Никто другой явно не собирается.

— Твой мастер только что сказал тебе, — сказал Джейсон, потому что Скифас выглядел слишком разъярённым, чтобы говорить. Он всегда был слишком эмоционален, когда дело касалось кириоса. — Это святая земля Культа Бушующего Неба. Кириос никогда не принимал здесь гостей, и не развлекал любовниц в своём личном поместье. Никто, кроме Оракула или кириоса, не может жить здесь.

— И всё же, ты здесь. Мы все здесь, мой мастер и его Вороны. Полагаю, это делает его кириосом, но что тогда остаётся нам троим? — Сузившиеся глаза хищника окинули Джейсона и Скифаса с ног до головы — цвета крови и расплавленного жара. — Вы двое не кажетесь мне провидцами. И я не чувствую себя Оракулом, хотя полагаю, я могу и ошибаться.

— Бегущий по ветру достаточно миленький, чтобы сойти за одного, — поддразнивала Оракул с Алебастровых Островов.

— Заткнись, — разом сказал Грифон, и все три святые женщины снова разразились хихиканьем. Зрелище было совершенно диковинное, тем более что одна из них выглядела старше самого города Олимпии.

— Ты уверен в этом, — наконец произнёс Солус, и что-то бесформенное прошло между ним и его учеником. Ничего, что Джейсон мог бы воспринять ограниченными чувствами Героя. Через мгновение, Солус вздохнул. — Почему ты лжёшь мне, Селена?

Молодая женщина, всё ещё перекинутая через его плечо и заметно молчаливая до этого момента, моргнула и вынырнула из транса. Впервые с момента выхода из комнаты она отвела взгляд от Грифона и серьёзно посмотрела в глаза Солусу.

— Я не лгала, — сказала она. И тут же поморщилась. — Ну, не совсем.

Скифас пробормотал себе что-то под нос. Слова "апоплексия" и "острая мозговая травма" были единственным, что пробило через барьер собственного неверия Джейсона.

— Значит, он не ошибается, — заметил Солус, и Оракул - девушка? - кивнула в знак согласия.

— Не ошибается. Однако, он и не совсем прав.

— Тогда, пожалуйста, — сказал Грифон, — просвети меня.

— Она ещё не оракул. Но она им станет.

Сократ вышел из покоев Алого Оракула, одной рукой затворив за собой белую как кость дверь, а другой держа изуродованный бюст женской головы. Джейсон успел окинуть взглядом комнату, прежде чем дверь захлопнулась. Всё было так же, как и до того, как Солус вытащил его из пелены Скифаса. Каким-то образом, Овод исправил все повреждения.

Первый философ раздражённо жестикулировал свободной рукой, и кусок мрамора, который он бросил в грудь Грифона, запрыгал по комнате. Он поймал его и прижал к частично восстановленному мраморному бюсту женской головы, и когда он убрал руку бюст снова стал целым.

Селена, девушка, которая могла быть или не быть Оракулом, вздохнула с облегчением.

— Спасибо.

Овод хмыкнул: «Будь разборчивее в выборе тех, кого приглашаешь в свою комнату. И слезь с плеча мальчишки, ты выглядишь нелепо».

Селена покраснела. Солус поставил её на пол нахмутив брови, пока он обдумывал слова Овода.

— Оракулы должны быть старухами, — сказал он.

— Так оно и есть. И ты знаешь, почему, мальчишка?

Лицо Солуса снова скривилось: «Люди жаждут разных вещей».

— Неправильно, — тихо сказал Грифон, не отрывая взгляда от Овода.

— Неправильно сейчас, но правильно раньше, — поправил его Овод. Праздно, Джейсон задумался, сколько веков Солус провёл, сражаясь с демонами в самых отдалённых уголках Запада. Сколько времени прошло с тех пор, как он ступал в свободный город? — До того, как мы забыли имена тех кто пришёл до нас, целомудрие было главной заботой провидца. Кто-нибудь из вас, непокорные дети, знает почему?

Все три оракула подняли руки. Овод проигнорировал их всех.

— В те времена, — тихо сказала Селена, — Оракулов выбирал их покровитель. Кровное родство не требовалось, и божественные предпочитали, чтобы у их сосудов не было никаких связей.

Овод кивнул: «Один мой знакомый любил говорить, что Оракул - это как перчатка для их бога, идеально подходящая к их руке. Бессмертные использовали их, чтобы влиять на изменения, для которых прямое прикосновение не годилось. А какой человек, смертный или божественный, захочет засунуть руку в перчатку наполненную семенем?»

Овод бросил многозначительный взгляд на личные покои покойного кириоса. Джейсон хотел сказать, что эта фраза не соответствовала воспоминаниям, которые он имел об этом человеке, но это было бы ложью.

— Но это было раньше, — продолжал первый философ. — Теперь, мы цепляемся за то, что осталось от наших божественных, всем, что у нас есть. Больше не осталось покровителей, поэтому мы сохраняем последнюю искру тех, кто был ими избран через кровь. Оракулам больше не запрещено размножаться - теперь это обязательно.

— Святой женщине нужен наследник, — в жутком унисоне произнесли каждая из трёх Оракулов.

— Поэтому мы ждём, пока Оракул не родит ребёнка. Затем, когда мать подготовит её к её обязанностям, а сама будет готова отправиться мучить людей в загробном мире, она помажет свою дочь в пророчестве и тайной вере. Затем ребёнок её ребёнка начинает поиски подходящего партнёра, и так далее. До того дня, пока мы наконец не выжмем из их крови последнее величие.

— Цинично, как и всегда, — сказала Оракул Разбитого Прилива, и потрескавшиеся губы старухи скривились от отвращения. — Мы всегда ненавидели это в тебе. — Овод снова проигнорировал её.

— Значит, ты дочь оракула, — сказал Солус.

— Да, — печально ответила она.

— Тогда где она? — потребовал Грифон. — Я пришёл в этот гниющий город, чтобы увидеть Оракула. Куда мне идти, чтобы найти её?

Джейсон ответил, не успев подумать: «Во владения Старого 'Залоса».

Овод вскинул руку, в её ладони кипела риторика, которой Джейсон не мог и надеяться противостоять. Джейсон разжёл пламя своего героического духа, воззвал к Музе которая не ответит, но всё это было слишком поздно, слишком медленно. Тщетно.

[Я найду другое, лучшее, чем...]

Овод ударил его по голове.

— Некоторые вещи не нужно говорить только потому, что ты можешь их сказать, — хмуро упрекнул его Овод. Джейсон поднял руку к голове. Каким-то образом, его череп остался цел. Он даже не порвал кожу. — После всего, что, как ты сам видел, может этот глупый ребёнок, ты решил, что это хорошая идея сообщать ему подобную информацию?

Джейсон открыл рот, чтобы возразить. Затем, он подумал о том, что он только что сказал, и кому.

Он закрыл рот.

— Даже не думай об этом, — сказал Овод, отстраняя его и надвигаясь на ученика Солуса. К счастью, Грифон всё ещё опирался на свой меч и не убежал бросать вызов Тирану в его владениях. Пока что. — Ты пришёл чтобы увидеть Алого Оракула? Чтобы узнать её мудрость? Ты не можешь.

Грифон пристально посмотрел на него.

— Нет, даже тогда, — ответил Овод на невысказанный вызов. — Даже если бы тебе удалось проникнуть в его владения, бросить вызов всему его этосу, это ничего не изменило бы. Она не станет с тобой говорить, потому что не может с тобой говорить.

Грифон обдумывал это долгое, напряжённое мгновение: «Почему?»

Он спросил Селену. Не Овода.

— ... В день, когда я родилась, моя мать уснула и никогда больше не проснулась. — Смотреть на неприкрытое лицо Оракула было постыдным поступком, неуважением в самом кощунственном смысле. Но Джейсон всё равно смотрел. Здесь, прислонившись к Солусу, с растрёпанными волосами и шелками, она совсем не походила на Оракула. От этого скорбь на её лице выглядела ещё более мучительной. — Говорят, что последнее, что она сделала, — это дала мне имя, а потом я выпала из её рук. Это произошло так внезапно, что моему отцу пришлось ловить меня. Она просто рухнула обратно на простыни, мёртвая для всего мира. С тех пор она не шевелилась.

— Болезнь? — спросил Грифон. Она покачала головой.

— Ничего, для чего у целителей есть название. И уж точно ничего, что они могли бы вылечить.

— Она спала шестнадцать лет? — побудил её Солус, хотя и без злобы. Он обхватил её за плечи. Она жалко кивнула, ещё больше прислонившись к его плечу. Напротив них глаза Грифона сузились, а пальцы бессознательно сжались.

Он перевёл свой взгляд и пневму на Овода.

— Но ты знаешь.

Овод посмотрел на него: «Я ничего не знаю».

Грифон сплюнул ему под ноги.

— Когда ты впервые увидела Грифона, — сказал Солус с прежней отстранённостью. Разбирая головоломку, которую мог видеть только Тиран. — Ты что-то сказала. Слово со значением.

— Поцелованный Солнцем, — прошептала Селена. — Я узнала воспоминание, которое он показал нам.

"Это справедливость. Запомни его лицо". Джейсон вздрогнул.

— Ты видела этот труп раньше? — спросил Солус. Она покачала головой.

— Не лично, нет. Но я всё равно знаю его. Мой отец говорил мне, что мы все благословлены солнцем — я, он, и моя мать. Это то, почему наши волосы цвета зенита. Это то, почему в наших глазах горят заря и закат. Я была благословлена солнцем через мою мать, которая была благословлена через свою мать, которая была благословлена через свою мать до этого.

— Ты сказала, что твой отец тоже был благословлён, — заметил Солус. — Ты хочешь сказать...

— Что корни её семейного древа — это Уроборос? — вмешался Овод, скрестив руки. — Нет. Полизалос не сын Оракула.

— Тогда как... — Солус остановил себя. Понимание расцвело. — Поцелованный Солнцем.

Селена слабо кивнула: «Когда мой отец ещё жил в Алом Городе, на западном горном хребте, он в одиночку спустился туда, где хранилась тайна Пылающего Заката. В той пещере, в тот день разрезанный труп павшего бога солнца благословил его. Он поцеловал его в лоб. И когда он поднялся из горы, он выглядел так, словно сами небеса раскрасили его совершенно другой палитрой».

— Ты имеешь в виду... — сказал Скифас.

— Это воспоминание было реальным? — потребовал Джейсон.

Грифон бросил на них обоих презрительный взгляд: «Моё добродетельное сердце не лжёт».

Но это было... чтобы прикоснуться к великой тайне мира...

— Это можно исцелить? — спросил Солус у Овода. — Недуг Оракула. Можно ли её разбудить? — Селена, в свою очередь, ещё больше склонила голову, её золотые волосы заслонили лицо вместо вуали.

— Я уже сказала тебе, — прошептала она.

— Можно.

Дочь Алого Оракула вскинула голову, и её Героическая пневма залила двор.

— Что? Что? — потребовала она, её голос повысился вместе с пневмой. В её глазах полыхало алое пламя. — Тебе это смешно?

— Нет, — сказал Овод, выдержав пылающий жар её пневы лишь со слабой гримасой.

— Ты сказал, что её нельзя вылечить. Это сказали не только целители, не только другие Оракулы. Ты сказал это! Каждый раз, когда я спрашивала, ты говорил, что ты не можешь этого сделать!

— Я сказал это раньше. Но я не скажу этого сейчас, — сказал Овод. Солус быстро напряг руку, обхватившую плечи девушки, чтобы удержать её, когда она сделала выпад вперёд, её щеки пылали, а глаза расширились от гнева.

— Ты солгал! — она обвинила его. — Все эти годы, ты лгал мне! Ты солгал!

— Ты солгал! — Три оракула закричали в радостной злобе. Их величие рябью проходило по комнате с каждым повторением. — Ты солгал! Ты солгал! Ты солгал!

— Кириос солгал.

Все замолчали.

Овод поднял бюст женской головы, который он всё ещё держал в руке, и повернул его так, чтобы все могли рассмотреть её черты. Даже без цвета, её невозможно было принять ни за кого, кроме как за мать девушки в шелках с солнечными лучами.

— Оракул - это божественное существо, пусть даже в мельчайшей степени, — сказал он с торжественной интонацией. — Вот почему они живут так долго. Вот почему природа хранит их. И вот почему любая болезнь, способная преодолеть их величие, и сама должна быть божественной. Есть только две известные человечеству вещи, способные излечить божественный недуг.

— Нектар и амброзия, — сказал Грифон, полностью сосредоточившись на философе.

— Нектар и амброзия, — согласился Сократ. — И с того дня, как ты родилась, кто был единственным человеком на этой земле, что продемонстрировал способность к созданию таких веществ?

Вокруг горящих глаз Селены поднимался пар, слезы превращались в пар не успев даже пролиться.

— Почему? — спросила она. Столь много вопросов уместились во всего одном слове.

— Почему он не предложил твоему отцу лекарство, если знал, что оно у него есть? Почему он лгал тебе каждый раз, когда ты его спрашивала? Почему кириос был таким человеком, каким он был? — Овод вздохнул. — Нет в живых ни одного мудреца, который мог бы ответить на любой из этих вопросов.

— Но кириос мёртв, — сказал Солус, — и он забрал с собой свой нектар и амброзию.

— Верно, — согласился Овод.

— Так какое это имеет значение? — спросила Селена. Но теперь к горечи и гневу примешивалась надежда. — Ведь только он мог создать их, не так ли? — Святая девушка

глазами умоляла его опровергнуть её. И это он и сделал.

— Во время своего пребывания здесь, кириос был единственным человеком в свободном Средиземноморье способным синтезировать божественную пищу, в основном, потому что он считал, что так будет правильно. Он никогда не был единственным человеком способным следовать этому процессу.

— Ты знаешь, — сказал Грифон, злобная улыбка обнажила его зубы. — Бесплезный старик. Просто скажи это.

Сократ насмешливо хмыкнул: «Может, я и старый, но я гораздо более полезный чем ты».

— Ну? — надавила Селена, крепко сжав руку Солуса. Алое пламя в её глазах мерцало. — Можешь ли ты создать их?

Овод что-то пробормотал себе под нос и отбросил бюст матери Селены, чтобы порыться в складках своей туники. Рука проявленного намерения схватила бюст в воздухе и медленно повернула его, пока Грифон рассматривал его. Овод вытащил сложенный лист папируса и бросил его капитану с запада. Солус поймал его двумя пальцами и встряхнул, открыв карту свободного Средиземноморья.

Карту свободного Средиземноморья испещрённую метками.

— Что это? — спросил Солус, пока Джейсон, Скифас и Селена толпились вокруг карты.

— Как бы ни любил покойный кириос засыпать меня вопросами, я никогда не был достаточно близок к нему, чтобы он поделился со мной своими рецептами и техниками. Никто не был. Однако, общеизвестно что он освоил этот процесс и открыл эти материалы в свою бытность Героем. Что менее общеизвестно, но всё же в пределах моего понимания, это как он провёл свои годы в Героическом Царстве. И где.

— Значит, если мы пройдем по его следам, — взволнованно сказала Селена, надежда и радость наконец-то взяли верх над гневом и сомнениями. — Если мы побываем там, где был он!..

— Мы найдём то, что нашёл он, — сказал Грифон, передавая бюст матери Селены ей в руки. Она крепко прижала его к груди, из уголков её глаз вышло больше пара. Грифон оттолкнул Скифаса в сторону, Герой Косящего Шквала заскрипел зубами, но освободил место.

Бок о бок, капитан с запада и его ученик рассматривали карту эпоса покойного кириоса.

— Это сработает? Ты уверен? — спросила Селена дрожащим голосом.

— Ни в чём нельзя быть уверенным, — хриловато ответил Овод. Затем, обращаясь к Солусу и его ученику. — Но это самое лучшее использование вашего времени. Сегодня, вы оба доказали, что не годитесь для конюшен, не говоря уже о городе где живут цивилизованные люди. Забирайте карту и убирайтесь с глаз моих. Идите и создавайте проблемы остальному миру, пока я буду думать, что с вами делать.

— С чего начнём? — Грифон без колебаний спросил Солуса, следя за пальцем, которым его мастер водил по карте. Он добавил свой палец, ткнув в определённую метку, пока они обменивались молчаливыми взглядами.

Овод ткнул своим пальцем в папирус, на маленькую метку из жидкого золота.

— Сначала вы пойдёте сюда, — объявил он, не оставляя места для споров. — Из всех догадок, связанных с рецептом кириоса, один элемент всегда оставался неизменным. Иди сюда и найди мне золотой кубок, наполненный духовным вином. Верни его мне, не пролив ни капли. Я, твой дед, позабочусь об остальном.

Селена ответила за них, вклинившись между ними и улыбаясь как солнце.

— Обязательно!

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3605711>